

О ПОЧВЕ

(не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)

Самым несчастным и поразительным примером того, как бессмысленные стереотипные фразы затемняют дело, производят сбивчивость в понятиях, отнимая у них отчетливость, — служат журнальные толки и споры о каком-то предмете, которому дано аллегорическое название «почвы». Уже одно такое название показывает, что спорящие имеют неопределенное, не собственное, а тоже аллегорическое понятие о предмете спора, т. е. толкуют о том, чего никто из них не потрудился уяснить для себя. В таких случаях обыкновенно люди бросаются с большим удовольствием на метафорические фразы, которые бы своею неопределенностью могли обманывать всякого, вместо дела представляли бы один пустой звук, маску или ширму, удобно скрывающую за собой пустоту, недостаток внутреннего содержания. По счастливой случайности сорвется у кого-нибудь с языка неопределенная фраза, с виду как будто имеющая некоторый смысл; вот за нее и ухватятся люди, бедные мыслями, начнут жевать да пережевывать ее, играть ею, точно мячиком, придумывать для нее разные перифразы и антифразы. От частого употребления фразы глаза и уши так привыкают к ней, что никто уже не считает нужным вникать в ее смысл. Вместо того, чтобы высказать мысль, всякий говорит вам только избитую фразу; но все довольны и удовлетворяются фразой, воображая, что они действительно

получили настоящую мысль, и нимало не подозревая того, что фраза не кажется им дикою и бессмысленною потому единственно, что они привыкли к ней, свыклись с ее звуком или начертанием.

История «почвы» начинается с «Маяка», толковавшего, впрочем, не о почве, а о народности.¹ С леткой руки почтенного журнала поднялись продолжительные и ожесточенные споры о народности; явилась народность в науке, народность в искусстве, народность в жизни; явилось также и отрицание этой троякой народности. Многочисленные солидные умы совершенно серьезно препирались между собою о том: можно ли знать русскую историю без сочувственного отношения к ней? Пушкин народный ли поэт? квас лучшее ли питье, чем вода? И да и нет слышалось с разных сторон и в разных углах. Потом спорящие дошли до того, что говорить и спорить дальше не было никакой возможности, и тогда только ясно почувствовали всю пустоту и бессмысленность спора. А между тем они так привыкли к фразе, что им и в голову не приходило спросить себя: да что же такое народность? Им чудилось, что фраза имеет такой точный и определенный смысл, что и спрашивать об этом не было никакой надобности. Однако каким-то чудом промелькнул наконец и вопрос: что такое народность? Для разрешения его стали собирать и печатать народные поверья и суеверья, древние и новые народные легенды, сказки и пословицы, в особенности народные песни. Действительно, порядочный ворох этого материала был собран, долго рылись и копались в нем; а все-таки знание народности оставалось в том же положении, в каком оно находилось еще при «Маяке». Что

тут делать и как быть? Приходилось просто расставаться с таким драгоценным сюжетом, как народность, о которой можно было всегда наговориться вдоволь, в сытость и сладость. Вдруг раздается новая фраза: «почва», еще более неопределенная и, значит, более удобная, чем «народность». Понятно, с какою стремительностью и восторгом бросились на нее люди, имеющие крайнюю нужду в фразах. Читателю, хоть мельком пробегающему страницы некоторых журналов, конечно, известны тысячи ладов, на которые тянется и переливается

355

эта благодетельная фраза; сначала она просто только забавляла и смешила, а теперь, наверное, надоела и опротивела для всех своим беспрестанным и однообразным гудением. «Самое важное дело почва, — гласит фраза: — от почвы все зависит, без почвы ничто невозможно, только на почве все может жить и произрастать. А мы между тем стоим не на почве; мы не чувствуем почвы под ногами; почва убегает от нас; почва чужда нам; мы оторвались от почвы и летаем в облаках, задыхаемся от испорченного воздуха, который мы же сами испортили, удалившись от почвы». В параллель прежним спорам о народности, новая фраза звучит: «Наша наука, искусство и жизнь выросли не на почве, им недостает почвенного питания, оттого они слабы, хилы, чахлы, болезненны и несовершенны. Вследствие всего этого, нам необходимо и неизбежно нужно стать на почву, должно возвратиться к почве, на почву, в почву» и т. д. Из этой одной фразы, варьируемой на разные манеры, без всякой примеси мыслей, составляются целые большие статьи; ее

употребляют для характеристики убеждений и направлений; ею пользуются как критерием для оценки чего бы то ни было, ею разят и губят все. Захочет кто-нибудь оспоривать вас, или просто вздумает обругать, он только скажет: «вы оторвались от почвы» — и вы признаетесь побежденным и униженным; апелляция к здравому смыслу, с просьбою решить вопрос: что такое почва и в какой мере преступно отрывание от нее, — не допускается, дело считается порешенным окончательно и неизменно. В величайшее затруднение пришли бы почвенники, если б их попросили не употреблять фразы о почве и ее вариаций; им и сказать нечего было бы. Мы имели в руках печатную страницу, на которой ничего не осталось, ни одной мысли и слова после того, как мы вычеркнули из нее фразу о почве. Одним словом, эта фраза грозит сделаться тем, чем была некогда колоссальная, но уже отжившая свой век фраза: «в настоящее время, когда...»; почве, кажется, суждено занять место «настоящего времени» и сделаться решительницею и вершительницею всех тяжб, споров и недоумений. Как прежде, бывало, желая обличить что-нибудь, обыкновенно восклицали в

356

конце статей: «И все это делается в настоящее время, когда» и проч., а желая восхвалить, восклицали в начале: «В настоящее время, когда и проч. явилось новое отрадное явление», — так и теперь для тех же целей и с такою же основательностью употребляются: «оторвание от почвы» и «стояние на почве». Фраза о почве до того мила своею неопределенностью, что на ней сошлись и согласились

даже те, которые некогда враждовали между собою из-за фразы о народности. Совершенно в такт и в тон приведенного мотива фразы о почве и другая сторона враждовавших принялась распевать по древним «крюкам»: «Да, мы оторвались от почвы, от утробы и персей нашей матушки — древней Руси, затащили полное тело ее, красавицы, в узкое немецкое платье, вместо квасу поим ее водою. А то ли дело квас! Подкрепляемые им, римляне покорили весь мир. И если б мы пили квас, давно бы уже соединили всех славян в одну огромную братскую семью, и земля наша была бы тогда велика и обильна».

Как видите, и новая фраза не обновила дела, не принесла с собою новой мысли; понятие, соединяемое с словом «почва», остается столь же смутным и неопределенным, как и то, которое прежде выражали словом «народность». Посмотрите на журналы, толкующие о почве почти на каждой странице, славящиеся своею почвенностью и укоряющие всех за оторванность от почвы, — чем они отличаются от прочих журналов? Решительно ничем; то есть, пожалуй, отличаются многими качествами; но эти качества служат не к чести их и не имеют ни малейшего отношения к почве. В них те же толки и рассуждения об искусстве для искусства, о жителях луны и драмах Мея, об идеалах истины, добра и красоты, которые мы слышали и прежде, когда еще и речи не было о почве. В этих рассуждениях и вообще — то нет ничего особенного, а тем более нет ничего такого, почему бы людей, предающихся таким рассуждениям, можно было назвать стоящими на почве, а не летающими в облаках. Но это еще небольшая беда, что люди, у которых постоянно на языке почва, сами стоят не

на почве и не отличаются почвенностью; за это их нельзя судить. И то

357

хорошо, что они, по крайней мере, сознали неудовлетворительность прежнего положения вещей, существовавшего не на почве, и почувствовали необходимость нового, которое непременно должно устроиться на почве. С их стороны было бы даже заслугой, если бы они ясно высказали, в чем и как прежний порядок оторвался от почвы и каким образом можно нам опять связаться с почвою, т. е. точно определили и формулировали свои стремления. А то ведь и этого нет; они сами для себя не выяснили тех требований, с которыми они обращаются к другим, сами не знают, чего хотят, или хотение их так смутно и туманно, что его и понять нельзя. «Мы оторвались от почвы; наша наука, искусство и жизнь выросли не на почве, поэтому нам нужно стать на почву», — как прикажете понимать эти фразы и что они значат такое? Если не для пользы дела, по крайней мере, из снисходительности к любопытству читающей публики толкующие о почве должны бы были объяснить, что значит отрывание от почвы и какими явлениями оно обнаруживается; или в частности, в применении, например, к науке: какие черты представляет наука, по которым ее называют оторванной от почвы, и какой вид она должна была бы иметь, если бы она коренилась в почве и всасывала в себя почвенные начала. Уж если они не могут высказать этого прямо, в точных положениях и определениях, то хоть бы, по крайней мере, разъяснили свой взгляд какими-нибудь

противоположениями и параллелями. Иногда они сами указывают на Германию, Францию, вообще на Европу, где будто бы и наука, и все другое стоит на почве; вот и прекрасно, и следовало бы показать, чем наша наука отличается от западной, какого элемента, имеющего именно отношение к почве, недостает в ней? Французская наука XVIII века была пересажена из Англии на французскую почву и пошла здесь хорошо, принесла свои плоды; она же была пересажена в Германию, — и тут ничего, пошла успешно. Подобным образом и наша наука не выросла на туземной почве, а тоже пересажена из-за моря; что же с нею случилось такое, что она вдруг оказалась оторванной от почвы; не принялась она, что ли, засохла и увяла? Но в таком случае ее нет

358

вовсе и нечего толковать о науке. Да вообще, уж если бы почвенники имели определенные и ясные понятия насчет отрывания от почвы и стояния на ней, они непременно разъяснили бы их и для других каким-нибудь другим способом, кроме указанного нами. А то ведь читающая публика находится в совершенном неведении причин, по которым ее обзывают оторванной от почвы и летающею в облаках.

Наконец, уж в самое недавнее время «почву» стали переводить словом «народ» и все фразы о почве применять к народу. Конечно, перевод этот довольно вольный, и переводчики не объясняют, в каком смысле народ может быть назван почвою и какое у него сходство с нею; но все-таки и то уж большой шаг вперед, что на место совершенно пустой фразы явилось слово, имеющее

хоть какое—нибудь определенное содержание; вместо «соединения с почвою» некоторые стали говорить «соединение, или сближение с народом». Последние слова тоже слишком неопределенны и много смахивают на фразу, но в них все—таки видна мысль, у которой ясны, по крайней мере, элементы, хоть и не выражено точно их взаимное отношение. «Не народ» или, точнее, «не простой народ», и потом народ черный, или почва, — вот эти два элемента, сами по себе еще довольно определенные; по крайней мере, их удобно и возможно как—нибудь разграничить, хотя рассуждающим о сближении и в голову не приходило провести резкую черту между народом, который должен сблизиться, и народом, с которым должно сблизиться. Говорят вообще, наше общество разорвано на две части, на две народности, а на самом—то деле оно состоит не из двух, а, пожалуй, из целого десятка народностей; но на это наши сближатели не обращают никакого внимания. Они делят народности не по тем признакам, которыми обыкновенно определяется народность, а по признакам случайным, по развитию и образованию, так сказать, по степени учености; народности же действительные, различные между собою по натуре, по складу ума и характера, для них как будто не существуют и не входят в круг их рассуждений и вопросов; поэтому они и видят в нашем обществе только две части: с одной стороны,

верхний слой его, куда относятся более или менее образованные и полуобразованные люди, занимающиеся науками, искусствами, ведущие жизнь на европейский

манер, имеющие право или претензию называть себя цивилизованными людьми; с другой стороны, масса простого народа, без науки, искусства, культуры и других атрибутов цивилизации. Между ними будто бы существует огромная непроходимая пропасть, ров, бездна; — положим, хоть бездны даже и нет, а все-таки различие есть, и оно очень заметно. Говорят далее, будто бы таким образом разорвала наше общество реформа Петра I; — а может быть, кроме этого, оно еще разрывалось само собою, вследствие общих, не исторических только, а и социальных причин, которые везде, и не у нас одних, произвели и производят подобный разрыв. Но как бы то ни было, теперь требуется соединить эти две различные, или, пожалуй, противоположные части, сблизить их между собою; если в неизбежности этого сближения и не все согласны, по крайней мере, все признают его пользу и многие искренно его желают. Этим и оканчивается относительная ясность и определенность дела и общее согласие во взглядах на предмет. А вот уж самое сближение — совершенная темень, вещь мудреная и весьма смутно понимаемая. Каково должно быть это сближение, в каком смысле оно возможно, кто и как должен сделать первый шаг, с чьей стороны должно быть больше уступок, какие элементы внесет в будущее общее соединение та и другая сторона, — на эти вопросы вы нигде не найдете определенного ответа; ими не занимаются люди, толкующие о почве и народности. Ответы нужно с трудом отыскивать в разных неясных намеках, выводить их из общих воззрений, высказываемых отвлеченно, и подмечать в разных толках и рассуждениях, относящихся к предметам посторонним. Тут-то открывается пред нами пестрая картина

разноречий, противоречий, несообразностей, самых диких воззрений; и большого труда стоит разъяснить спорные пункты и хоть приблизительно определить положения и взгляды спорящих сторон.

В последнее время разнесся слух, будто бы у нас уже нет славянофилов; этот слух особенно усердно распространял

360

г. А. Григорьев и некоторые журналы, поставившие для себя задачей примирить славянофилов с западниками и соединить их воззрения в общей идее.² Естественно, все подумали, что эта задача уже исполнена, и решили поэтому, что нет более славянофилов. Однако теперь оказывается, что это решение так же основательно, как и многие другие решения в таком же роде, например, что «нет более седых волос», — «нет более зубной боли» и т. п. Славянофилы существуют, только несколько измененные, немного преобразившиеся; кроме того, некоторые, прежде совершенно нейтральные люди неожиданно превратились в славянофилов. Подделываясь под требование настоящего времени, когда народность оставлена в стороне, а принято больше говорить о почве и о народе, новые славянофилы тоже рассуждают о сближении с народом. Первее всего нужно знать, что это за штука такая народ, с которым нужно сближаться. А для этого стоит только взглянуть сочувственным оком на стародавнюю Русь, когда весь народ вкупе жил собственно самостоятельной жизнью, все производил из себя и для себя, до всего доходил своим собственным умом и когда, стало быть, все его произведения в области науки, искусства и жизни были народны в самом строгом

смысле, носили на себе ясные следы и резкие отпечатки чисто русских пальцев и пропитаны были чисто русским духом; в них русский народ отразился, как в зеркале. Когда реформа Петра разодрала русское общество на две части, тогда верхний слой его, забыв преданья отцов и дедов, переделал себя на немецкий лад, усвоил себе все чужестранное, оросил туземные произведения и бросился на заграничные, а если и сам производил что-нибудь, то больше все на иностранный манер. Это одна народность, немецко-русская. Низший же слой общества, народ, крепко придерживался старого, оставаясь при воззрениях и понятиях древней Руси и при старомодных условиях жизни, существовавших до реформы; он и по сию пору остался неизменным, сохранил верно свой первобытный вид. Это другая народность, беспримесно-русская. После этого очень ясно, с чего должно начаться сближение с народом со стороны верхнего слоя, или людей образованных. Они

361

должны швырнуть в сторону все немецкое, наплевать на все вообще иностранное и обратиться к народу, сделаться тем, чем он есть теперь, или — что одно и то же — чем он был во времена древней Руси до реформы. Мудрость философскую и религиозную они должны черпать в «Голубиной и Толковых книгах», в «сказаниях о таблице» в «стоглавнике» и проч., учиться правде должны у «Русской Правды», у «Судебников и Уложений», вести жизнь сообразно с предписаниями «Мономахова завещания» и «Домостроя», пить непременно квас, но не баварский, а простой русский, и мед не казалетовский и

кronовский, а тоже чисто русский; одним словом, должны убраться, принарядиться и устроиться во всем так, как это изображено в «Очерках» г. Н. Костомарова,³ из которых видно, что современный наш народ, с которым нужно сближаться, действительно живет почти совершенно так, как в старину живали наши деды и отцы. Посредством такого приема, очень легкого и удобного, образованные люди верхнего слоя действительно могут сблизиться с народом и даже превратиться в народ; но что выйдет из этого сближения и к чему оно поведет, — это совершенно неизвестно, новые славянофилы об этом не думают. Они страстно, до безумия любят народ, у них охота смертная сблизиться с народом, да и только. И нужно как можно торопиться таким сближением, а то в противном случае народ приступит к образованным людям, да и скажет им: «подите, подите прочь от нас, вы не наши». Что тогда делать? Вразумить народ и растолковать ему, что и верхний слой такой же народ, как и он, нельзя; он не послушает образованных людей, которые даже не имеют права учить его и передавать ему образование, так как это образование не народное, а пришлое, заграничное, принесенное реформой с Запада. Народ сам себя образует; он уничтожит даже наш теперешний шрифт, не выросший на почве, а рабски скопированный с латинского, и введет во всеобщее употребление славянские письмена, которыми пользовалась вся древняя Русь, или же, по примеру «Русского Вестника», составит свой собственный шрифт народный и, бросивши все немецкие выдумки Гутенберга, станет не печатать, а писать книги чисто русские, в которых

не будет ни капли, ни строчки чего–нибудь иностранного, а все русское — и идеи, и факты, и краска, и бумага. То–то будет счастье!

За крайним славянофильским мнением о способе сближения с народом по порядку следует умеренное мнение людей, славящихся почвенностью и старающихся примирить славянофилов с западниками. Всякое примирение, сближение должны удовлетворять и той и другой из враждующих сторон, от обеих должны взять по частичке и слепить их в одно. Так и поступили примирители, стоящие на почве, при разрешении вопроса о сближении с народом. Чтобы сделать удовольствие славянофилам, они тоже говорят, что реформа разорвала русский народ на две части и образовала между ними пропасть, ров; но чтобы не оскорбить и западников, они прибавляют, что реформа не онемечила верхний слой, а просто только оторвала его от почвы и пустила в облака, между небом и землею. В этом положении, конечно, неудобном и невыгодном для животных не пернатых, верхний слой образовался, т. е. усвоил себе западноевропейскую образованность, коей научился от иностранных учителей. Может быть, не в обиду будь сказано славянофилам, эта образованность и хороша сама по себе; но дело в том, что мы выросли из нее, превзошли своих учителей, увидели, что их наука для нас не годится, неудовлетворительна уже по тому одному, что мы усвоили ее не на почве, а в облаках; на таком основании мы отрицаем западноевропейскую цивилизацию, она для нас «узка». Вследствие этого наше учение должно прекратиться, мы должны ждать, что «скажет вся нация»,

должны поджидать того времени, когда у нас вырастет собственная наука. А это будет тогда, когда мы сблизимся с народом, станем на почву, — и опять пошла писать прежняя фраза. В чем должно состоять сближение и как это мы станем на почву, этого примирители не определяют, и какие бы напряженные усилия вы ни употребляли, ни за что не добьетесь, что они хотят и чего требуют; «стать на почву, сблизиться с почвою, с народом», «возвратиться к почве» — и больше решительно ничего, так что наконец даже становится досадно на то, что вас заморили фразами, измучили совершенно

363

напрасными поисками и напряжениями. К главному мотиву фразы вроде припева иногда прибавляется «грамотность» и ее распространение в народе; народу нужна грамотность, она засыплет ров, отделяющий нас от народа. Итак, вот к какому скромному результату привели высокопарные и глубокомысленные фразы о почве и о сближении с народом; стояние на почве, укоренение науки, искусства и жизни в почву суть, таким образом, не что иное, как учение и грамотность народа. Мало, очень мало; но зато хоть ясно, по крайней мере, хоть требование—то предлагается определенное и понятное, слава богу и за это; на место фраз явилась мысль и дело. Итак, мы должны оставить теперь в стороне и народность, и почву, и сближение с народом, и должны ограничиться скромными рассуждениями о грамотности. «Грамотность нужна народу, и желательно, чтобы он научился ей», говорят почвенники—

примирители; но ведь это знают все и без их указания, этого желает каждый разумный человек. Почему же они только себя называют стоящими на почве? — ведь и все другие сознают необходимость не грамотности только, но и вообще народного образования, — значит, все стоят на почве, а не летают в облаках. Да и к чему тут приплетать неудовлетворительность и недостойность западноевропейской образованности. А если б эта образованность была хороша и для нас, тогда народу не следовало бы и грамоте учиться, незачем было бы и сблизаться с ним? Ну, положим, мы откажемся от всего, чем снабдил нас Запад, от его цивилизации; произвести что-нибудь свое оригинальное мы все-таки не в состоянии, потому что почва не готова и мы еще в облаках, потому мы должны сидеть и ждать, сложа руки. Во время нашего отдохновения и бездействия почва приготовится, народ научится грамоте. Что же потом? Вы думаете, на почве сами собой, по теории *generatio aequivoca*,⁴ вырастут наука и образованность, народ при помощи одной грамотности создаст для себя все, а мы тогда придем на готовое, станем на почву и пожнем ее плоды? Конечно, это было бы очень удобно и выгодно для нас; но ведь, кажется, не совсем справедливо жать то, чего не сеял. Да едва ли на почве и вырастет что-нибудь, когда она не

обработана и на ней ничего не посеяно. А вот потрудитесь, сделайте что-нибудь для народа, на первый раз, хоть нечто из того, что рекомендует для всех западноевропейская цивилизация, тогда и на почве пойдет

расти что-нибудь хорошее. И с чего вы взяли, что западная образованность и цивилизация для нас узки и негодны, и как прикажете понимать эту фразу? Вы вот, например, до сих пор не стояли на почве, питались наукою и другими плодами, тоже выросшими не на почве, однако, благодаря этим плодам, вы дошли до сознания своего положения и необходимости сближения с почвою; а сама-то почва и до сих пор не имеет этого сознания, и вы бы его не имели, если б погружены были в почву. Мы освободились от множества предрассудков и других разного рода нелепостей, населяющих почву; и этим также обязаны влиянию на нас западной науки и образованности. Мы пользуемся разными удобствами жизни, опять благодаря тому же влиянию. Мы знаем, что газовые фонари лучше даже масляных, а почва между тем и до сих пор освещается лучинками и едва ли когда-нибудь осветится газом. Мы только еще недавно стали говорить о необходимости образования почвы и почти еще не принимались за это дело, а между тем в Европе уже давно заведены разные воскресные, вечерние народные школы, и кажется, вреда большого не было бы, если бы хоть двадцать лет тому назад мы пересадили на свою почву эти чужеземные растения. Куда ни посмотришь, во всех так называемых отрадных явлениях замечается влияние Запада. Даже первую мысль об устройстве в Петербурге известного рода будочек подали парижские будочки. Может быть, говоря о недостаточности и узкости западноевропейской цивилизации, хотят выразить мысль, заключающуюся в пословице: «что русскому здорово, то немцу смерть», и, значит, наоборот, что немцу здорово, то русскому смерть, мысль о неприложимости европейской образованности и ее произведений: у нас, дескать, на

нашей почве не примется то, что на Западе растет хорошо, там много есть форм, не пригодных для нас. Но во всем подобном Европа не виновата, с нее нечего спрашивать; вся ответственность тут на тех, которые пересаживают западное на нашу

365

почву; они должны смотреть и разбирать, что из западного годится и что не годится для нас. Если хорошее западное приносит у нас дурные плоды, то это уже зависит от причин, заключающихся в нашей почве, а не от западной цивилизации. Пальма растение прекрасное, но на севере она замерзнет и пропадет; это не уменьшит достоинства пальмы и покажет только недогадливость и ограниченность садовника, который перенес ее на север. А если например, картофель и индейка могут существовать на севере, так отчего же не пересадить их? Вообще дело идет здесь только о способах приложения западной цивилизации; способы могут быть неудачны, но это ничего не говорит против самой цивилизации. Со всем этим, может быть, согласятся и наши примирители; а все-таки, утверждают они, западноевропейская цивилизация узка и не годится для нас потому, что мы сознали наконец свое всемирно-историческое призвание и общечеловеческое назначение. В чем состоит это призвание и назначение — неизвестно; об этом не говорится ни слова; довольно того, что мы сознали его. 'удя по этим фразам об историческом призвании, можно догадываться, что мнения наших примирителей составляют отголосок тех голосов, которые тоже утверждают, что Западная Европа отжила свой век, что

она гибнет и находится в предсмертной агонии; что после ее смерти выступит на сцену славянское племя и будет продолжать дело истории и развитие человечества. Может быть, этот взгляд и неверен, по крайней мере, слишком преувеличен; но во всяком случае хоть высказывается—то он ясно и определенно. Подробно и резко описываются признаки и симптомы болезни, от которой умирает Европа; точно указывается лекарство, посредством которого можно спасти человечество от гибели и которое все—таки придумано европейской наукой. Это лекарство принесет с собою в историю и распространит повсюду славянское племя. — У наших же примирителей нет и капли подобной отчетливости в суждениях и ясности во взгляде; а главное, они смешивают историческое общечеловеческое развитие с нашим народным домашним делом, с насущным вопросом нашей народной жизни. Может быть, историческое наше призвание велико, и наша задача

366

гораздо шире той, которую решила Европа; но ведь все это журавль в небе, миллиард в тумане, отдаленное будущее; нам нужно еще очень много и долго готовиться и собираться к своей будущей исторической роли, нужно пройти чрезвычайно длинный путь до того места, где мы будем иметь честь сменить Западную Европу. В этом продолжительном странствовании для нас и синица хороша, и копейка дорога; и узкие формы жалкой, отживающей век европейской цивилизации были бы большим благодеянием для нас, будущих великих деятелей и руководителей человечества, и не худо было бы

пересадить их на нашу почву до той поры, пока на ней вырастут великие всемирно–исторические плоды. Со временем мы, конечно, сделаемся Фемистоклюсами; но теперь для нас нисколько не было бы унижительно, если бы кто–нибудь из обыкновенных людей отер каплю под нашим носом. —тобы вполне обнаружались и принесли плод наши великие почвенные силы, они должны развиваться свободно и самостоятельно. Вот ведь и сами примирители на одной странице уверяют, что грамотность самое важное дело, что она одна только может засыпать ров, отделяющий нас от народа; а на другой торжественно объявляют, что дарование новых прав народу сразу засыпало этот ров как раз на половину. И отлично. А грамотность, согласитесь сами, когда–то еще засыплет его? До того времени, когда грамотность распространится повсюдно и повсеместно и когда образуется весь народ, придется очень долго сидеть и ждать у моря погоды. Да едва ли когда–нибудь и можно дожидаться этого. Вон и у самых почвенных народов грамотность распространена не повсеместно, и еще нигде не видано было примера, чтобы вся почва была грамотна и учена. В Англии, положим, много грамотных между простым народом, однакож это не мешает им бедствовать самым отличным образом. Германия — страна ученая, идеал почвенной учености, однако тоже страдает порядочно. Во всяком случае, значит, никак нельзя сваливать всего на почву и на грамотность. Мы теперь оправдываем свою апатию и бездействие тем, что мы оторвались от почвы, что почва неграмотна. Но когда почва соединится с верхним слоем, все–таки верхний же слой будет играть главную

роль, ему будет принадлежать инициатива, от которой он, стало быть, и теперь не должен отказываться. Да и то сказать: мы вот все грамотны и образованы хоть понемногу, однако не можем похвалиться собою. Как знать может быть то же будет и с почвою, когда она научится грамоте; образование, быть может, и ее не выведет из апатии, как не вывело нас, и она также будет оправдываться указанием на верхний слой, без которого — почва ничего не значит. — Глубокомысленные москвичи против всех наших болезней и язв рекомендуют одно универсальное лекарство — науку; только наука может спасти нас и даровать все решительно. Вот на них много походят и так же основательны, как они, наши петербургские господа, рекомендующие грамотность народа, как всеобщую панацею, как талисман или щучье повеленье, которое вмиг доставит в наши руки все, чего только мы ни пожелаем. На основании всего вышесказанного, всякий желающий может утверждать, что мы восстаем против грамотности и образования почвы и не признаем за ними важного значения, хотя мы собственно хотим только сказать, что не в одной грамотности вся суть, и что вообще нам следовало бы поменьше мечтать о своей будущей великой роли исторической, а заниматься тем, что поближе к нам, что дозарезу нужно нам в настоящее время, когда и проч., т. е. прочее не в том смысле, как это говорилось прежде в колоссальной фразе, а совершенно наоборот, как приличнее говорить теперь, когда и проч.

Есть еще целая группа взглядов на почву, повидимому, самых разнообразных, но в существе дела очень сходных

между собою; все они, подобно изложенным выше, приводят к апатии и совершенному равнодушию в народном деле. — «Везде и во всем, — говорят одни, — много значит народ. А посмотрите на наш народ, что он такое? Как он глуп, груб и невежественен! он ничего не знает, не понимает своего положения, своих отношений и своих выгод; что прикажете делать с ним? Нет, нет, ничего не поделаешь; наш народ слишком, слишком невежественен; оттого-то он и находится в таком положении, оттого-то участь его так горька. Никак нельзя и помочь ему, подождем, пока он хоть немного образуется и сделается повежливей».

368

«Да не нужно пока и заботиться об образовании народа, — говорят другие, — не следует выводить его из того блаженного неведения, в котором он теперь находится, которое ослабляет и притупляет у него чувствительность. Если мы внушим народу возвышенные чувства и благородные идеи, свойственные образованным людям, то его при первом вступлении в жизнь, при первом соприкосновении с действительностью, постигнет страшное разочарование». Все это очень гуманно, отчасти справедливо, потому что указывает на необходимость, кроме образования, думать еще об условиях жизни народа; но в таком случае для последовательности нужно бы рекомендовать людям в детстве вырывать глаза, потому что в жизни и действительности придется видеть, при помощи глаз, множество всякого рода гадостей, которые отравляют и губят человеческую жизнь и которых лучше бы и не видеть. Третьи говорят даже, что грамотность и

образование не пойдут впрок народу, что они превратят народ в мошенников, бездельников, воров, или, по последней мере, в лентяев, которые не станут работать на себя и на нас даром, и мы все, благодаря народному образованию, пропадем с голоду. — Что все это верно и проницательно, об этом и толковать не стоит. — Наконец, четвертые, более снисходительные судьи народа, не восстают против грамотности и образования его, даже желают ему успеха в учении, и затем воображают, что народ можно предоставить самому себе. Пожалуй, не мешает составить для него азбучку и читальник, пусть его учится; будет прилежен, выучится скоро; а там уж и пойдет, и пойдет, и расправит свои могучие силы.

А мы о грамотности думаем так, что она есть безразличное оружие, сила, которая ценится не сама по себе, а по тому действию, какое она производит. И при грамотности весьма важно то, к чему она прилагается и что будут читать грамотные. Есть на свете и хорошие книги, но зато есть много и таких, что при виде их невольно возбуждается досада на изобретение типографского искусства, и гораздо лучше не уметь грамоте, чем читать подобные книги. На какие же книги может рассчитывать народ, сказать трудно; но, судя по теории вероятностей,

можно думать, что на стороне дурных книг больше шансов. Известно, что зло постоянно борется с добром и в сей временной жизни по большей части торжествует над ним; враг рода человеческого, враг всякого живого и доброго развития — диавол силен, он берет под свою

защиту все дурное, а стало быть, и дурные книги; всякое добро, напротив, он останавливает и ограничивает и будет употреблять все меры к тому, чтобы воспрепятствовать распространению в народе здравых, благочестивых понятий и хороших книг. Таким образом народу придется читать то, чего никто из здравомыслящих людей не порекомендовал бы ему для чтения, и что приведет к результату, диаметрально противоположному той цели, которая имеется в виду при распространении в народе грамотности и образования. На критику со стороны народа, на его инстинкт истины нечего рассчитывать, когда и верхний слой так слаб в инстинкте и в критике. — Мы опять пришли к заключению, повидимому согласному со взглядами Даля, Белюстина и им подобных, которые тоже говорят, что грамотность вредна, потому что она распространит в народе нечестие и разврат. Приятно соглашаться с такими господами, но, к сожалению, мы согласны с ними только с другой стороны. Мы не называем грамотность вредною и желаем ее распространения; а приведенные нами соображения относительно тех случаев, когда грамотность и образование могут привести к печальным результатам, клонились единственно и исключительно только к тому, чтобы показать, что народ, предоставленный самому себе и своему настоящему течению, не далеко уйдет по пути развития, что верхний слой необходимо должен помогать ему. Грамотность прекрасное дело; но ее одной еще недостаточно. Каким образом посредством грамотности вы разрешите проблему?

Верхний слой расходится с почвою в самых основных философских и моральных воззрениях; наша почва девственна, первобытна и наивна в своих воззрениях; она

когда-то случайно заимствовала большую часть их на стороне, некоторые придумала сама по своему вкусу, да так и остается с ними неподвижно, потому что никогда еще не имела случая сознательно испытать и разобрать их.

370

Народ не задумывался над своими убеждениями, ничто их не колебало, сомнение собственное, или возбужденное со стороны, никогда не закрадывалось в его голову. На нашей почве не было и тени тех колебаний и движений, которые пережили европейские народы. Незначительное большинство образованных людей верхнего слоя хоть с грехом пополам и разными окольными путями успело усвоить себе результаты, добытые Европою; оно воспользовалось готовым богатством, приобретенным другими. Наша же почва находится в совершенном неведении этих результатов. Конечно, она может дойти до них сама, посредством собственного самостоятельного развития, но для этого требуется чрезвычайно много времени, а главное — она напрасно должна будет трудиться над тем, что уже сделано другими.

Для народа нужна, как выражаются, усиленная грамотность, он должен учиться много и прилежно, так как теперь он почти ничего не знает и не умеет; — такое требование предлагается народу с полною уверенностью в возможности его исполнения. — Латинская пословица говорит: *satur venter non studet libenter*, а русская переделывает ее так: «сытое брюхо на учение глухо»; значит, для прилежного учения требуется некоторого рода пост и содержание желудка постоянно впроголодь; и самое

учение начинается таким образом «с голоду» и приводит к голоду. И, действительно, некоторые утверждают, что если народ захочет учиться и пойдет в университет, то ему нечего будет есть, и все мы вместе с ним будем голодать. Это опасение справедливо; но так же, если еще не более, справедливо и противоположное опасение, что народ ни за что не станет учиться и не пойдет в университет, если ему нечего есть, и с голоду он не примется за грамоту, а скорее бросится на кусок хлеба. Должно быть, также и пустое брюхо на учение глухо, и недаром же говорят, что «голодной куме постоянно хлеб на уме». Как ни восхваляйте грамотность, как красноречиво ни доказывайте высокое превосходство невещественной пищи перед вещественной, а все-таки есть хочется и вам самим и тем, кому вы рекомендуете прилежное учение; желудок всегда берет свое и первый настоятельно заявляет свои права.

371

Поэтому голодный прежде всего желает и ищет хлеба, и за учение может приняться только тогда, когда утолит свой голод. Все это как-то грубо и материально, но тем не менее естественно и неизбежно. Даже возвышенные эстетические наслаждения подчиняются желудку, или, выражаясь деликатнее, чувству голода. Откормленный господин из верхнего слоя с удовольствием заглядится на группу прекрасно нарисованных яблоков и картофеля; а голодный член почвы предпочтет этим произведениям искусства естественные яблоки и картофель; первый до самозабвения залюбуется поэтической картиной, как «волнуется желтеющая нива и темный лес шумит при

звук ветерка», а последний с неудовольствием отвернется от этой картины; ему бы — безвкучному невежде — хотелось прозаической материальной нивы и такого же леса. Вот, видите ли, везде на первом плане желудок. Сначала надо позаботиться о том, чтобы достать кусок хлеба и поест, а потом уж можно заниматься и другими предметами, какими угодно: грамотностью, науками, искусствами и проч. Что же делать? к несчастью, уж этого требует натура человеческая. Так вот и поступает народ, не ученым образом и не понаслышке, а по собственному горькому опыту знающий требования природы и права желудка. Летом и зимою, днем и ночью он трудится без устали и до поту; ему нужно добывать хлеб для себя и, кроме того, еще для других, он должен заготовить его; от него, таким образом, требуется двойной усиленный труд. Выпадет свободный денек, народ спешит отдохнуть хоть немного от постоянных и тяжелых трудов, а, пожалуй, и выпьет с горя, и никакая наука не пойдет тут на ум. Неразумно, конечно, пить в свободное время и не заниматься наукой, — да что делать? ведь и верхний слой не все же занимается, а позволяет себе развлечения. Наступит праздник, народ займется чем-нибудь по дому, а не то пойдет собирать грибки для себя и какие-нибудь ягодки для господ верхнего слоя. А когда же заниматься грамотой, наукой? Можно, конечно, читать книги, идя за сохой или за плугом, подобно тому как образованные люди читают их, сидя за чаем. Но ведь нужно же сначала научиться читать, и притом питье чаю требует меньше сосредоточенной

внимательности и больше располагает к чтению, чем управление сохой и плугом. Вот видите, все этот грубый желудок портит дело и препятствует образованию почвы. Говорят, крестьяне очень неохотно посылают своих детей в школы и даже умоляют распространителей грамотности, чтобы они не брали их к себе, а оставляли у них дома, без всякого учения, — чем и обнаруживают грубое непонимание пользы и важности учения. Еще бы, очень понятно, что, посылая мальчика в школу, крестьянин лишается рабочего и помощника в работе, и ему угрожает опасность добыть хлеба в меньшем количестве, чем какое требуется для его продовольствия и пропитания, — значит, ему угрожает более или менее сильный голод. Крестьяне не имеют никаких особенных предубеждений против школ и учения, они лучше нашего понимают пользу грамотности и учения; они просто боятся, что дети их, учась премудрости в школах, будут есть хлеб, не добывая его, и таким образом всю семью повергнут в голод. Дайте крестьянину рабочего, который бы делал то, чем обыкновенно занимаются у него дети, или же уменьшите количество требуемой от него работы настолько, чтобы он вовсе не нуждался в лишнем рабочем, тогда он с большим удовольствием и готовностью станет посылать детей в школу. — Кроме того, наука не бессребреница; она никому не дается задаром, бесплатно; для учения нужны материальные средства, попросту сказать, деньги. А много ли их имеет наша почва? Нужно купить азбуку, нужно заплатить учителю; чтобы грамотность не пропадала даром, нужно купить какие-нибудь книжки для чтения; захочется учиться письму, нужно купить бумагу, чернила, карандаш и проч., — все купить да купить, больно уж много. А тут еще нужно

купить корову, лошаденку, соли, дегтю, дров и невесть чего; смотришь, и нехватит на все трудовой копеечки, поневоле нужно будет остаться без чего-нибудь. Соль, деготь да дрова все-таки нужнее, без них не обойдешься, а уж без книжек и без бумаги как-нибудь можно перебиться. Вот так-то и выходит, что не по чему учиться грамоте и не на чем писать. Если бы каждый член почвы имел порядочный капиталец, поверьте, он не поскупился бы для того, чтобы научить детей своих

373

уму-разуму и даже, пожалуй, разным заморским и господским наукам, он охотно покупал бы и книжки и картины, в свободное время позанялся и полюбовался ими, что он и теперь делает по мере возможности; и тогда образование почвы пошло бы гораздо скорее, и сближение с почвою было бы гораздо успешнее. — Когда сообразишь все это, то становится как-то совестно и неловко требовать от народа усиленной грамотности и усиленного образования, особенно еще когда слышишь, что от него в то же время требуют усиленного труда и работы механической; и даже приходится удивляться, что в народе, при теперешнем его положении и наличных средствах, все-таки есть грамотные люди. Должно быть, уж очень сильна была у них охота к грамоте, и чтобы научиться ей, они употребляли сверхъестественные, нечеловеческие усилия. Верхний слой нашего общества находится в относительно лучшем материальном положении, чем почва, и более обеспечен, чем она; естественное дело, что сытый голодного не разумеет. Мы требуем от народа грамотности и образования, воображая,

что это требование так же удобоисполнимо для него, как и для нас, что ему так же точно, как и нам, нужно только иметь для этого добрую волю и прилежание; но мы упускаем из виду то, что народ находится совершенно в других условиях и обстоятельствах, что ему частенько приходится страдать от голоду и холоду, что для его образования недостаточно еще одной охоты и прилежания. Поэтому заботящиеся о грамотности народа и о сближении с почвою должны вместе с тем позаботиться об улучшении его внешнего быта и увеличении его материального благосостояния. Не побрезгайте тем, что оно материальное, прозаическое, грубое; оно много значит, и от него многое зависит, между прочим и ваша усиленная грамотность и образование.